

— Вы продолжайте, а я отвечу на звонок, — с бесстрастным лицом произнес Ли Аньцин и принял вызов. Однако к уху телефон прижимать не стал, а включил громкую связь, чтобы каждому было слышно.

Голос Ли Сичуня тут же разнесся по комнате:

— Ты еще не приехал? Как бы Сяньфу ни чудил, он все-таки твой родной брат. Он уже узнал правду, эти пару дней ему наверняка было не по себе от страха...

— Алло, ты меня слышишь? Я с тобой говорю! Как доберешься, скорее посмотри, как он там. Сильно испугался?

Ли Аньцин перевел взгляд на Ли Сяньфу и совершенно спокойно произнес:

— Ответь ему, как ты поживаешь?

Ли Сяньфу лишь промолчал.

От автора:

Ли Сяньфу: Спасибо за вопрос, перейдем к следующему.

Перед Ли Сяньфу лежал телефон, который непонятно когда успели перед ним положить, и он ненадолго замолчал.

В такой ливень Ли Аньцин проделал огромный путь, чтобы разыскать его в этой глухой деревне, а он сам в это время преспокойно играл на цине и радовался исцелению от душевной травмы — это выглядело как-то неправильно.

На том конце провода Ли Хуайчунь продолжал торопить. Ли Сяньфу шевельнул губами и после секундного раздумья произнес:

— Я борюсь за выживание.

Что на это ответил Ли Сичунь, он не услышал: Ли Аньцин уже выключил громкую связь и заговорил с ним как обычно.

Ли Сичунь явно не затыкался. Примерно через полминуты терпение Ли Аньцина лопнуло, и он бросил:

— Я лично наблюдал за его борьбой.

С этими словами он повесил трубку.

В комнате внезапно воцарилась тишина. Звук дыхания тонул в шуме дождя, стекающего с крыши, а атмосфера незаметно становилась все более гнетущей.

Ли Сяньфу не стал избегать взгляда Ли Аньцина. Для них двоих это была первая настоящая встреча после долгой разлуки. В первые два года после его отъезда за границу во время редких видеозвонков он еще мог мельком увидеть Старика Ли и остальных, но Ли Аньцин всегда вел себя скрытно, так что за все четыре года они ни разу не пересекались.

Время ничуть не изменило Ли Аньцина — даже его взгляд, в котором легче всего отпечатываются прожитые годы, остался прежним.

Когда их взгляды встретились, Ли Аньцин лишь на мгновение окинул его оценивающим взглядом, после чего быстро переключил внимание на стоявшего в стороне Цинь Цзиня.

Ли Сянфу тоже посмотрел туда и только сейчас заметил, что Цинь Цзинь все это время преспокойно сидел на стуле и ел сладости.

Ли Сянфу только мысленно вздохнул.

Почувствовав на себе взгляды, Цинь Цзинь вытер крошки с пальцев, приподнял веки и спросил:

— Что-то не так?

— Дел немало, — прямо ответил Ли Аньцин. — Когда у господина Циня найдется время, нам стоит поговорить.

Такая манера ведения беседы во многом походила на стиль самого Цинь Цзиня: говорить повествовательным тоном, соблюдая все приличия, но при этом заранее решать все за собеседника.

Цинь Цзинь ничего не ответил. Он встал и направился к выходу, а уже у самой двери бросил через плечо:

— Обратный путь на поезде займет три дня. Времени будет достаточно.

Он ушел быстро и решительно. Когда Ли Сянфу спохватился, собираясь напомнить, что цинь остался здесь, тот уже скрылся из виду.

Ли Аньцин небрежно провел рукой по дереву древнего инструмента и вынес вердикт:

— Оставь цинь себе. Не нужно за ним бежать, позже я переведу ему двойную стоимость.

От такой простой и незамысловатой радости богатых людей Ли Сянфу и сам бы не отказался.

Зная, что Ли Аньцин не любит пустую болтовню, он налил ему воды и сразу перешел к делу:

— Какова вероятность того, что такой человек, как Цинь Цзинь, станет противоречить самому себе?

Ли Аньцин взял чашку и искоса взглянул на него:

— Приведи конкретный пример.

— Когда я сам заговорил о Цинь Цзяюй, он остался совершенно равнодушен.

Если он сделал это не для того, чтобы подтолкнуть меня к восстановлению памяти, то зачем ему вообще понадобилось устраивать эту поездку за вдохновением именно сюда? Чего он добивается?

Ли Аньцин опустил взгляд на рябь в чашке и негромко произнес:

— Это значит, что для тебя есть другое применение.

Когда Ли Сянфу посмотрел на него, Ли Аньцин бесстрастно добавил:

— Просто плыви по течению и наблюдай.

Вспоминая их встречу несколько минут назад, Ли Сяньфу задумался... Его второй брат отличался от остальных членов семьи: перед лицом Цинь Цзиня он не выказывал ни малейшего страха или робости.

В этот момент Ли Аньцин поставил чашку, и их взгляды случайно встретились. Поняв, о чем думает брат, Ли Аньцин сначала промолчал, а затем произнес:

— Многие любят связывать твое имя с исчезновением Цинь Цзяюй и сочинять небылицы.

— А разве не стоит?

В конце концов, тогда они отправились в путь вдвоем.

— У меня о Цинь Цзяюй сложилось крайне скверное впечатление. Если кто-то и виноват, то наверняка она.

Эти слова звучали слишком категорично, но оценки Ли Аньцина обычно делились строго на черное и белое. То, что он использовал выражение «крайне скверное», было большой редкостью.

Когда Ли Сяньфу попытался расспросить подробнее, Ли Аньцин лишь небрежно отмахнулся, сославшись на то, что она просто не пришлась ему по душе.

В этот момент снаружи поднялся ветер, и капли дождя полетели на поверхность циня. Ли Сяньфу подошел к окну, чтобы закрыть его.

За его спиной Ли Аньцин вдруг снова заговорил с нажимом:

— Цинь Цзинь хоть и мрачен, но его поступки логичны. А вот Цинь Цзяюй совсем не похожа на своего старшего брата. Она всегда вызывала у меня странное ощущение полного пренебрежения к чужой жизни.

Пока они разговаривали, в коридоре слышались шаги. Пришедший явно старался ступать как можно тише. Ли Сяньфу насторожился и прижал палец к губам, призывая к молчанию. Он привычным движением вытащил палку, спрятанную у края кровати, но, обернувшись, увидел лишь хозяйку дома, которая осторожно просунула голову в приоткрытую дверь.

Хозяйка смущенно улыбнулась:

— Я увидела, что к тебе пришел незнакомец, заволновалась и решила подняться проверить.

Ли Сяньфу поблагодарил ее за заботу и пояснил:

— Это мой второй брат.

Хозяйка на мгновение замерла, вглядываясь в них. Черты их лиц действительно имели сходство, особенно глаза. Вот только у одного родинка-слезинка под глазом придавала взгляду особое очарование, а у другого вид был холодным и отстраненным, так что с первого взгляда трудно было признать в них братьев.

Убедившись, что все в порядке, хозяйка со спокойной душой ушла.

Ли Сяньфу убрал палку на место и обратился к Ли Аньцину:

— Нравы тут у местных довольно суровые. Может, и тебе такую раздобыть?

Вчерашние хулиганы, ворвавшиеся к Цинь Цзиню, вели себя довольно агрессивно, и это послужило хорошим уроком: вдали от дома всегда нужно быть начеку и уметь постоять за себя.

Выслушав его, Ли Аньцин пристально посмотрел на брата и покачал головой.

Ли Сяньфу взглянул на часы и понял, что уже поздно.

— Пойду приготовлю обед. Потом нужно будет отнести еду Цинь Цзиню, вернуть должок.

Благодаря ему он смог поиграть на цине в этой старой деревне.

Звук удаляющихся шагов затих на лестнице. Ли Аньцин тихо вздохнул... Было очевидно: брату здесь приходится несладко.

* * *

Дождливая погода, вопреки всему, лишь поднимала Ли Сяньфу настроение.

У плиты он чувствовал себя даже увереннее, чем у мольберта. Меньше чем через час он уже поднимался обратно с подносом. Открыв дверь, Ли Сяньфу застал Ли Аньцина хмурым: тот нетерпеливо барабанил пальцами по столу, пока Ли Сичунь на том конце провода устраивал ему настоящий телефонный допрос.

Окинув взглядом принесенные блюда — свиные ребрышки на пару с пшеном и куриные крылышки с зирой, — Ли Аньцин тут же сбросил звонок. В его глазах промелькнуло удивление:

— Сам приготовил?

Ли Сяньфу кивнул:

— Это твоя порция.

Блюдо еще не успели попробовать, но аппетитный аромат уже витал в воздухе. Горячие ребрышки с пшеном в такую ненастную погоду были настоящим блаженством.

Ли Аньцин взял палочки, сделал один укус, но вдруг замер и поднял глаза:

— Ты дома когда-нибудь готовил?

— Пару дней, когда тети Чжан не было.

Вкус ребрышек оставлял приятное послевкусие. Ли Аньцин прищурился:

— Если не ошибаюсь, отец очень любит это блюдо.

— Он его не пробовал, — честно признался Ли Сяньфу. — Отец и старший брат узнали, что тетя Чжан взяла отпуск, и не стали возвращаться домой.

Получается, его стряпню пробовал только Ли Сичунь. Ли Аньцин о чем-то задумался:

— Это ты им сообщил, что тети Чжан нет?

Ли Сяньфу покачал головой.

Услышав это, Ли Аньцин слегка приподнял уголки губ, отчего по спине пробежал холодок.

Ли Сяньфу с подозрением посмотрел на него:

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Ли Аньцин, фотографируя еду на телефон, и загадочно добавил: — Просто внезапно понял, как бороться с навязчивыми звонками.

Интересно, как отреагирует старик, если узнает, что Ли Сичунь в одиночку лакомился такими вкусностями дома.

Клин клином вышибают. Когда старик начнет пилить кое-кого на том конце провода, этот шутник вряд ли продолжит без конца названивать и обо всем расспрашивать.

Не желая мешать ему обедать, Ли Сяньфу раскрыл зонт и понес еду к Цинь Цзиню.

* * *

Ли Аньцин обычно просчитывал все до мелочей, но на этот раз ошибся.

Старик Ли не стал отчитывать Ли Сичуня, а, напротив, со всей серьезностью обсуждал с сыном дела.

Ли Сичунь покачал головой с обреченным видом:

— Неужели в семьях, где растут сыновья, родители всегда считают своих детей какими-то особенными?

Старик Ли хлопнул ладонью по столу, и Ли Сичунь рефлекторно выпрямился, не смея больше дерзить. Немного переведя дух, он продолжил:

— Я обеими руками за то, чтобы устроить младшему брату свидание вслепую, но давайте смотреть на вещи реально. В семье Бянь только один ребенок — Бянь Шицинь. Ее растили как зеницу ока, холили и лелеяли. С какой стати они согласятся на ее встречу с Сяньфу?

Суровая реальность заключалась в том, что семья Бянь, выбирая зятя, ни за что не согласилась бы на кандидата с темным прошлым.

<http://bllate.org/book/18300/1756983>